

Ирина Владимировна Пекарская

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии и журналистики, Абакан, Россия
e-mail: pecar-61@mail.ru

Екатерина Андреевна Шпомер

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и журналистики, Абакан, Россия
e-mail: catandre@rambler.ru

**Языковая организация обвинительных речей (на материале речей А. Ф. Кони
«По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем»
и «По делу об убийстве статского советника Рыжова»)**

Аннотация. Сегодня активно развиваются такие отрасли лингвистики, как юридическая, лингвоперсонологическая, прагматическая. В этом смысле центром исследования становится языковая личность, по-разному проявляющая себя в разных ситуациях общения. Интересным является обращение специалистов-лингвистов к коммуникативным произведениям убеждающего дискурса, в частности к обвинительным речам. Именно от уровня их прагматики зависит исход судебного производства по тому или иному делу. Показательной становится речевая практика обвинительных речей знаменитого оратора XIX в. А. Ф. Кони, чьи выступления до сих пор считаются эталоном эффективного и воздействующего на публику слова. Именно этим объясняется актуальность исследования. Цель статьи состоит в выявлении, системном описании и сравнительном анализе специфики языковой организации обвинительных речей А. Ф. Кони.

Ключевые слова: обвинительная речь, тропы, фигуры, приемы выразительности, прагматика.

Irina V. Pekarskaya

Katanov Khakass State University, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, Abakan, Russia
e-mail: pecar-61@mail.ru

Ekaterina A. Shpomer

Katanov Khakass State University, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, Abakan, Russia
e-mail: catandre@rambler.ru

**Linguistic Organization of the Accusatory Speeches (Based on the Speeches
by A. F. Koni “In the Case of the Drowning of a Peasant Woman Yemelyanova
by Her Husband” and “In the Case of the Murder of State Advisor Ryzhov”)**

Abstract. Today, such branches of linguistics as juridical, linguopersonological, and pragmatic are actively developing. In this sense, the center of the study becomes a linguistic personality that manifests itself in different ways in different communication situations. The appeal of linguists to communicative works of persuasive discourse, in particular, to accusatory speeches, is interesting. It is the level of their pragmatics that determines the outcome of judicial proceedings in a particular case. The speech practice of the accusatory speeches of the famous orator of the 19th century A. F. Koni, whose speeches are still the reference point of an effective word that affects the public. This explains the relevance of the study. The purpose of the article is to identify, systematically describe and comparatively analyse the specifics of the linguistic organization of A. F. Koni's accusatory speeches.

Keywords: accusatory speech, tropes, figures, expression techniques, pragmatics.

Введение (Introduction)

Современная гуманитарная наука характеризуется наличием тесных междисциплинарных связей. Не является исключением и юрислингвистика, изучающая языковые особенности правовых документов. Очевидна необходимость приобретения специалистом-юрислингвистом умения создавать и произносить эффективную, воздействующую судебную речь, способную убедить аудиторию (в особенности в процессах с участием присяжных заседателей).

С. А. Колесников справедливо отмечает, что «детальное изучение судебных речей таких выдающихся правозащитников, как А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, П. С. Пороховщикова, В. Д. Спасовича и других, с использованием современных методик прагмалингвистики, профессиональной лингвистики текста, функциональной грамматики, позволяет выявить те лингвистико-правовые ресурсы, которые помогают современному правоохранителю достичь целей, направленных на повышение правосознания в обществе, на преодоление тенденций к правовому нигилизму, на оптимизацию профессиональной подготовки в сфере речевого инструментария» [1, с. 13]. Именно в этом состоят актуальность и новизна настоящей работы, посвященной сравнительному анализу особенностей языковой организации судебных обвинительных речей знаменитого оратора XIX в. А. Ф. Кони, чьи выступления до сих пор считаются эталоном эффективного и воздействующего на публику слова.

Цель исследования состоит в выявлении и системном описании специфики языковой организации судебных обвинительных речей А. Ф. Кони «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» и «По делу об убийстве статского советника Рыжова».

Методы (Methods)

Методологической базой настоящей работы стали исследования по судебному красноречию (в том числе обвинительной речи) Т. В. Артемовой, З. В. Баишевой, О. В. Демидова, С. А. Колесникова, Г. Н. Плотниковой и др.

Лингвистический анализ проводился в рамках описательного метода во всех его проявлениях: наблюдение на этапе сбора языкового материала, обобщение (анализ, синтез) на этапе выявления сходств и различий в языковом оформлении анализируемых речей, интерпретация на этапе фиксации особенностей лингвоперсоналогического представления авторской позиции.

Последовательно производился лингвистический анализ двух указанных речей с представлением на заключительном этапе сопоставительной характеристики их языковых особенностей.

Литературный обзор (Literature Review)

Современная наука — лингвоперсоналогия, прагмалингвистика, психолингвистика — исследует языковую личность с позиции специфики ее речевого поведения в разных коммуникативных сферах. Так, в рамках изучения судебного дискурса рассматриваются особенности речевого поведения такого видного государственного обвинителя, как А. Ф. Кони (см., например: [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15] и др.). Однако в данных научных трудах наблюда-

ется лишь лингвистический анализ отдельно взятых выступлений без представления сравнительного анализа разных коммуникативных продуктов. Мы же предлагаем попытку комплексного осмысления и сравнительной характеристики двух ярких речей названного оратора, произнесенных в рамках одного временного периода, но отличающихся целеустановкой, соотношенной со спецификой коммуникативных стратегий говорящего. Кроме того, данные речи примерно одинаковые по объему: «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» (5148 слов), «По делу об убийстве статского советника Рыжова» (5785 слов). Это облегчает производство сравнительного анализа и повышает его объективность.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Обвинительная речь «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» содержится во всех сборниках трудов А. Ф. Кони (например, [16, с. 49–62] — цитируем по этому изданию), так как служит образцом яркого и убедительного выступления.

Данная речь написана с соблюдением требований как языка права в частности, так и литературного языка в целом.

Рассматриваемая обвинительная речь диалогична: оратор часто (нами зафиксировано 22 случая) обращается к такому приему, как **вопросно-ответный ход**, чем заставляет слушателей почувствовать себя полноправными участниками коммуникации (например, *Но в каких же обстоятельствах дела найдем мы эту ненависть? Говорят, что она была зла на него за то, что он женился на другой...*).

Обстоятельства дела излагаются оратором лаконично и точно, доказательства вины подсудимого приводятся в системе, что существенно повышает убедительность речи (например, А. Ф. Кони поминутно воссоздает ход событий и действия Егора Емельянова в этот день).

Специфика языка права проявляется в анализируемой речи через:

- широкое использование юридической терминологии (*свидетельские показания, судебная власть, обстоятельства дела, инстанции, подсудимый, обвиняемый* и др.);
- отлагательные существительные (*рассмотрение, представление, принуждение, заявление, обнаружение* и др.);
- наличие многозначных слов, применяемых для обозначения особых юридических понятий (**разбор доказательств, привел в участок, разрешение** дела и др.);
- использование готовых юридических клише (*господа судьи, господа присяжные заседатели; посажен под арест; постановив приговор; обвинение имеет достаточные основания; свидетельствуют в пользу* и др.);
- распространенность существительных, называющих людей по их социальным интересам или действиям (*свидетель, свидетельница, банщик, посетитель* и др.);
- распространенность глаголов со значением приказа, предписания, долженствования (*сгруппировать показания; это не должно останавливать вас; обнаружить истину; следует употребить для uznания правды* и др.);
- частотность страдательного залога (*рассмотрению подлежат дела; показание не может быть заподозрено;*

средства к жизни добываются... тем, что он угождает посетителям и др.);

– расположенность вводных слов и конструкций в начале предложения (*Таким образом, очевидно, что прежние... отношения между Лукерьей и ее мужем поколебались; И так, это характер сосредоточенный, сильный и твердый; По показанию Аграфены, она как раз прошла и пробежала такое пространство; Наконец, известно, что ему позволили самому явиться под арест и др.*);

– частотное употребление причастных и деепричастных оборотов (*В нём муж, считая себя в своем неотъемлемом праве...; Понятно, что, начав бороться с кем-нибудь на откосе, можно было съехать по грязи...; ...человек, которого сталкивают, запачканного грязью, в текущую воду, остается в ней целую ночь; ...на платье, пропитанном насквозь водою, слякоть расплывается и др.*).

А. Ф. Кони соблюдает требования всех коммуникативных норм литературного языка: его речь правильна, богата (наблюдается разнообразие не только использованной лексики, но и синтаксических конструкций), ясна и точна (полностью исключена неустраненная многозначность, которая может привести к множественности интерпретаций), логична, уместна, чиста и выразительна, несмотря на то, что, по его словам, «язык закона скуп и лаконичен» [17, с. 53].

В данной речи А. Ф. Кони активно использует всю систему изобразительно-выразительных средств. **Тропами**, к которым обращается оратор, являются следующие (порядок расположения тропов обусловлен частотностью их употребления в данной речи):

– **эпитет** (291 случай), который помогает говорящему создать нужный образ и усилить впечатление от сказанного. А. Ф. Кони использует как «чистый» эпитет (**проницательный помощник; ужасная тайна; впечатлительная, нервная, живая женщина** и др.), так и контаминированный (**преступная тень** (эпитет + метафора), **смертельная ненависть** (эпитет + гипербола), **характер твердый, решительный, смелый** (эпитет + метафора + инверсия) и др.);

– **метафора** (48 случаев), основная задача которой в данной речи состоит не только в создании образа действующих лиц, но и в выражении отношения самого оратора к происходящему: *показания проникнуты искренностью; она должна терзаться неизвестностью; под тяжким гнетом давящей мысли она сама себя выдает* и др.;

– **олицетворение** (45 случаев), усиливающее впечатление от сказанного: *голос совести начинает рисовать картину; рассудок, совесть и долг победят страсть и подавят ее в грешном теле; мысль пробежала целый путь* и др.;

– **гипербола** (14 случаев), укрупняющая описываемый образ и усиливающая впечатление: *она может выйти замуж и пропасть для него навсегда, а тут надо ходить тайком по номерам, лгать, скрываться от жены... и так навеки!; нет дня, чтобы не ссорился; редким, чтобы не сказать невозможным, примером супружеской привязанности;*

– **сравнение** (11 случаев), помогающее рельефно обрисовать ситуацию и охарактеризовать участников событий:

она волнуется как душевнобольная; обращался с любовницей как палач; входит в воду почти как по ступенькам;

– **перифраз** (10 случаев), заменяющий общепринятую формулировку более мягким по форме высказыванием: *не смогу до свадьбы себя соблудути; две девушки из дома терпимости; вышла за него, сохранив девическую чистоту;*

– **метонимия** (9 случаев), призванная объединить присутствующих в одно целое, создать впечатление общности, коллективности: *задача судебной власти становится очень легка* (судебная власть = судья); *да суд так рассудил* (суд = судья); *чтоб оправдаться в посторонних глазах* (глаза = люди);

– **литота** (2 случая), помогающая создать образ и передать отношение оратора к предмету/событию: *местом утопления она выбирает Ждановку, где воды всего на аршин; в десяти шагах течет Нева;*

– **антифразис (ирония)** (1 случай), имеющий целью выразить негативное отношение оратора к трудовой деятельности банщика Емельянова: *Вот такова его должность с точки зрения труда!*

Среди **фигур**, использованных в данной обвинительной речи А. Ф. Кони, нами были отмечены следующие:

– **текстовый лексический повтор** (112 случаев), лежащий в основе всего выступления, так как именно он позволяет оратору обратить внимание аудитории на ключевые моменты, подчеркнуть определенные факты и избежать многозначности: *свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать; они [отношения] должны измениться...на них должны были постоянно влиять страсть и прежняя привязанность; существует известный, определенный, простой и строгий нравственный кодекс. Влияние кодекса этого выразилось в словах Аграфены;*

– **текстовая антитеза** (40 случаев), противопоставляющая участников событий (наиболее часто — убитую Емельянову и Аграфену Сурина) и подчеркивающая различия в их внешности, характере, поведении: *личность тихая, покорная, вялая и скучная [Емельянова] / она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет... живого, веселого характера, энергичная, своего не уступит даром [Сурина];*

– **инверсия** (39 случаев), акцентирующая внимание на главных фактах: *женщина нервная, впечатлительная, живая; оно должно быть признано показанием справедливым; это характер твердый, решительный, смелый* (прагматика инверсии усиливается эпитетами и метафорой);

– **полисиндетон** (24 случая), подчеркивающий необходимое, значимое в речи (чаще всего — условия, способствующие совершению преступления): *зачем ей желать погубить Егора в такую минуту, когда жены нет, когда препятствие к долгой связи и даже к браку устранено?* (полисиндетон усилен риторическим вопросом); *но как достать яду, как скрыть следы преступления?; когда же зритель не совсем посторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убийство происходит в пустынном месте...;*

– **синтаксический параллелизм** (20 случаев), привлекающий внимание слушателей нетрадиционной формой

подачи высказывания: *сильный всегда влечется к сильному, энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого* (параллелизм контаминируется с антитезой, метонимией (натура = человек) и эпитетом); *один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит — босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой — в чуйке* (параллелизм сопровождается лексическим повтором, антитезой и эллипсисом);

– **эллипсис** (18 случаев), фиксирующий внимание на отсутствующем члене предложения: *между неудовольствием и смертельной ненавистью целая пропасть* (пропуск сказуемого); *скоро после свадьбы он опять у ней* (пропуск сказуемого); и даже *советовал ей «в Ждановку»* (отсутствие дополнения);

– **анафора** (8 случаев), сосредотачивающая внимание на важных условиях: **Мы** слышали показание двух девиц... **Мы** знаем из тех же показаний...; *Затем, когда пришло известие об утопленнице, когда участь, постигшая Лукерью, определилась, когда стало ясно, что она не придет никого изболбить...*;

– **риторический вопрос** (7 случаев), привлекающий внимание слушателей к содержанию речи и заставляющий их принимать участие в рассуждении: *Разве это ему нужно с его живым характером...?; Могла ли Сурина один на один сладить с Лукерью, как мог сладить с нею ее муж и повелитель?* (риторический вопрос сопровождается перифразом «сладить» = убить); *Станут ли такого человека обыскивать и осматривать подробно?*;

– **риторическое восклицание** (7 случаев), передающее эмоции оратора: *да ведь это для женщины... величайшая победа!* (эмоция — радость); *Вот такова его должность с точки зрения труда!* (риторическое восклицание подкреплено антифразисом, эмоция — осуждение); *Но это положение немислимое!* (эмоция — несогласие, возмущение);

– **усеченные высказывания** (6 случаев), фиксирующие внимание на недоговариваемом и призывающие аудиторию к размышлению: *та, другая, не стоит его привязанности, ...она, Аграфена, дороже, краше, милее и лучше для него...* (усеченное высказывание усиливается антитезой, эпитетом и амплификацией); *жена его приходит к ночи, тихая, покорная, молчаливая... Разве это ему нужно с его живым характером...?* (усеченное высказывание сопровождается инверсией, контаминированным эпитетом (эпитет + олицетворение), риторическим вопросом);

– **амплификация** (6 случаев), призванная дать всестороннюю характеристику описываемому лицу: *он опять у ней, жалуется ей на жену, говорит, что снова любит ее, тоскует по ней; просит ее любви, говорит, что та, другая, не стоит его привязанности, что она, Аграфена, дороже, краше, милее и лучше для него* (амплификация усилена полисиндетоном); *Это человек... чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный, эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматичная, молчаливая и терпеливая; итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное — скучная* (амплификация усилена лексическим повтором, подчеркивающим главное качество характера убитой женщины); *она зовет, манит, туманит,*

раздражает (бессоюзие повышает уровень воздействия амплификации);

– **риторическое обращение** (4 случая), имеющее целью установить контакт с судьей и присяжными, обратиться на себя их внимание: *Господа судьи, господа присяжные заседатели!; Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, ...то я думаю, ...подсудимый услышит из ваших уст приговор;*

– **климакс** (3 случая), укрупняющий описываемое: **не договаривая, умалчивая, труся или скороговоркою, стремление не только нарушить, но навсегда уничтожить** прежние тягостные, стесняющие отношения; *на середине страсть никогда не останавливается: она или замирает, погасает, подавляется или... доходит до крайних пределов;*

– **асиндетон** (3 случая), придающий высказыванию уверенность и стремительность: *спросила о жене — Егор не отвечал; единственное средство — утопить;*

– **зевгма** (3 случая), выделяющая ключевые факты: *будет кровь, нож, явные следы; начнем с грязи и борьбы.*

Кроме того, обвинительная речь «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» включает в себя и **иные приемы выразительности**:

– **вопросно-ответная форма изложения** (22 случая) помогает создать у слушателей впечатление того, что они рассуждают вместе с оратором: *Может ли она [работа банщиком] развить в человеке самообладание, создать преграды, внутренние и нравственные, порывам страсти? Нет...; Чем она понравилась ему? Вероятно, свежестью, чистотой, невинностью;*

– **тавтология** (18 случаев), акцентирующая главное: *Возникает вопрос: достоверно ли оно? Если мы будем определять достоверность...; она была недовольна им, но между неудовольствием и смертельной ненавистью целая пропасть; видывал виды;*

– **цитирование** (15 случаев), передающее чужую речь без искажения и помогающее снять с себя ответственность за достоверность сказанного или выразить иронию/пренебрежение: *становится банщиком при номерных, так называемых «семейных» банях* (выражение недоверия, отрицательная оценочность); *«Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, преносила, никогда слова не сказала», — говорит о ней свидетель Одинцов; «Слова от нее трудно добиться», — прибавил он; ...Как говорится в таких случаях, «в первый и в последний раз»;*

– **плеоназм** (5 случаев), подчеркивающий ключевые моменты речи: **главное и существенное** в деле значение; **бытовой житейской** обстановкою; **происходит постоянный, систематический разврат; 20 минут времени;**

Анализируя стилистическую составляющую речи А. Кони «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем», мы отметили частотное смешение лексики, принадлежащей к разным функциональным стилям. Оратор, стремясь воздействовать на чувства присяжных и сделать речь общедоступной, включает в свое публичное выступление наравне

с книжной лексикой разговорную, даже просторечную. Проиллюстрируем сказанное.

Книжная лексика и лексика высокого стиля, соответствующая данной обстановке (обвинительная речь на судебном заседании — публицистический стиль): *усмотрел, жидуться, терзаться неизвестностью, под тяжким гнетом, умерщвлена, супруг, ввиду, окончательно лишлась рассудка, повелитель, молить о старой любви, найдаться под гнетом, Лукерья душу загубил, услышит из ваших уст приговор*.

Разговорная и просторечная лексика и фразеология, экспрессивно выражающие, как правило, негативную оценку личности или обстоятельства: *поколотил, в околотке пошел говор, проговорила по первому толчку, бремя свалилось с сердца, человек, который ее кинул, блудный сын, показания двух девиц, просиживает там полдня; поколотил не своего брата мужика, а студента, «барина» (антитеза усиливает прагматический эффект), за словом в карман не лезет, своего не уступит даром, «хлебнул» Петербурга, спует, пихает жену, ударить ее или утюгом хватит, женился «сдуру»*. Отметим, что нами был выявлен 31 случай включения в обвинительную речь фразеологизмов.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что выразительная и образная обвинительная речь А. Ф. Кони «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой», несомненно, эффективна. Она достигает своей коммуникативной цели: привлекает внимание слушателей и удерживает его от начала и до конца повествования за счет речевой прагматики, влияя на их разум, чувства и воображение, ведь «хороший судебный оратор знает, что люди не столько слушают его большую речь, сколько ее видят и чувствуют» [18, с. 278].

Еще одна яркая обвинительная речь, демонстрирующая умение А. Ф. Кони мастерски пользоваться всеми ресурсами русского языка, — речь «По делу об убийстве статского советника Рыжова» [19, с. 108–134].

Оратор излагает обстоятельства дела не только лаконично и точно, убедительно доказывая вину подсудимого, но и эмоционально, что позволяет ему воздействовать на чувства присутствующих.

В данной речи нами отмечены следующие особенности языка права:

- широкое использование юридической терминологии (*обстоятельства настоящего дела, побочные обстоятельства, подсудимый, показания главных свидетелей, категории опровержений, предварительное следствие* и др.);

- отглагольные существительные (*рассмотрение, стремление, наслоение, обвинение, соображение* и др.);

- наличие многозначных слов, применяемых для обозначения особых юридических понятий (*стремление обставить его всевозможными данными; возбудились некоторые вопросы; затрудняют его [дела] разбор, защита постарается* и др.);

- использование готовых юридических клише (*господа судьи, господа присяжные заседатели, на судебном следствии, закон предусматривает* и др.);

- распространенность существительных, называющих людей по их социальным интересам или действиям (*пре-*

следователи, сироты, свидетель, воспитательница, кормилица и др.);

- распространенность глаголов со значением приказа, предписания, долженствования (*Вам... придется выслушать много указаний; отрицать сознательное деяние, судебный приговор прежде всего должен удовлетворять нравственному чувству людей* и др.);

- частотность страдательного залога (*глава этого семейства был лишен жизни; Он лишился жизни не окруженный попечениями и участием родных, не благословляя своих детей, а сопровождаемый их отчаянными криками и падая от руки близкого и обязанного ему человека; Опущенные некоторые мелкие подробности, так как, вероятно, они сохранились у вас в памяти* и др.);

- расположенность вводных слов и конструкций в начале предложения (*Напротив, весь в тумане, навеванном гневом, он... выбежал на улицу и только там оценил, что совершил; Нам, может быть, укажут на подавленный вид Шляхтина; Вероятно, нам будут говорить, что Шляхтин... имел вид потерянный*);

- частотное употребление причастных и деепричастных оборотов (*Семейство, единственною поддержкою которого был Алексей Иванович Рыжов, состоявшее из жены его и четырех детей, внезапно и неожиданно осиротело; Внутренние причины, побудившие Шляхтина к убийству, должны были быть еще сильнее; ...никогда не простит сестре тех оскорблений, которые она нанесла ему, пользуясь правами сестры и женщины* и др.).

Требования всех коммуникативных норм литературного языка соблюдены в данной речи: правильность, богатство, ясность, точность, логичность, уместность, чистота и выразительность.

Речь «По делу об убийстве статского советника Рыжова» убедительна и эффективна, что является следствием виртуозного использования А. Ф. Кони системы изобразительно-выразительных средств. Приведем примеры тропов и фигур, лежащих в основе данного выступления.

Тропы:

- **эпитет** (346 случаев), красочно передающий эмоции и оценки оратора: *внезапно и неожиданно осиротело; категории опровержений, заслоняющих истинный образ дела* (контаминация эпитета и метафоры); *обрисовать самыми мрачными красками то несчастье, которое разразилось над нею* (на эпитет наложена метафора) и др.;

- **метафора** (32 случая), помогающая создать яркий образ описываемого, эмоционально выразить отношение оратора к происходящему: *усилия осветить и раскрыть его преступный смысл; очищение дела от этих посторонних, наносных обстоятельств, снятие этой посторонней, лишней коры* (данная яркая метафора усиливается лексическим повтором и эпитетами) и др.;

- **олицетворение** (15 случаев), создающее образ и усиливающее впечатление об описываемом: *показание идет со стороны женщины, гнев поборол голос совести и рассудка* (двойное олицетворение), *совесть его воспала* (олицетворение + инверсия);

- **метонимия** (11 случаев), создающая собирательный образ и усиливающая впечатление от сказанного:

семейство осиротело (семейство = дети), **глава** этого семейства (глава = отец); **личность**, о которой **обвинение** самого высокого мнения (обвинение = государственный обвинитель); **защита** постарается искусною рукою подрезать корни **обвинения** и пересадить всё дело на почву защитительных соображений (защита = адвокат, обвинение = прокурор) (метонимия сопровождается эпитетом и метафорой) и др.;

– **перифраз** (10 случаев), сглаживающий неприятные моменты, заставляющий слушателей задуматься над происходящим и придающий речи возвышенность, трагичность: в *голосе...* **завучит трагическая нота** (= женщина заплачет); **лишилась [мужа] от руки своего брата** (= брат убил мужа); **человек очень пристрастный к женщинам** (= любвеобильный); **занять известное место в обществе** (= высокий пост) и др.;

– **гипербола** (9 случаев), преувеличивающая тяжесть состояния жены убитого и, соответственно, оказывающая эмоциональное воздействие на аудиторию: **женщина, совершенно растерзанная и убитая горем** (гипербола сопровождается олицетворением), **целиком поглощенная несчастьем** (гипербола усиливается олицетворением), **для нее нет выхода из этого** (гипербола контаминируется с фразеологизмом) и др.;

– **сравнение** (5 случаев), помогающее создать яркий образ: *которая была также убита им нравственно, как физически был убит муж ее* (сравнение + инверсия + антитеза); *Шляхтин был принят как родной у Рыжовых; нервы... натянуты, как струны*.

Фигуры:

– **лексический повтор** (116 случаев), который, являясь текстовой фигурой, акцентирует внимание слушателей на ключевых моментах речи: *глава... семейства лишен жизни. Он лишился жизни...; ...Падая от руки близкого и обязанного ему человека. Этот близкий и обязанный ему человек...; разбирать их вновь перед вами представляется излишним или, лучше сказать, представлялось бы излишним, если бы к ним не приросли некоторые побочные обстоятельства* и др.;

– **инверсия** (61 случай), фиксирующая внимание в главном во фразе: *которыми иногда заслоняются простыя и ясныя его очертания; показание третьей свидетельницы — правдивое, благодушное* (инверсия сопровождается эпитетами) и др.;

– **синтаксический параллелизм** (19 случаев), привлекающий внимание слушателей нетрадиционной формой подачи высказывания: *Может быть, она действительно не знает современных приемов педагогики; может быть, она недостаточно верит в пользу мягкого обращения с детьми* (синтаксический параллелизм сопровождается анафорой и контаминированным эпитетом: (эпитет «мягкое обращение» + перифраз = ласковое); *можно ли это ставить в вину человеку, можно ли в этом не видеть достоинства?* (синтаксический параллелизм + анафора + инверсия + лексический повтор (это — этого) + риторический вопрос) и др.;

– **анафора** (16 случаев), акцентирующая ключевые моменты: *Может быть, она действительно не знает*

современных приемов педагогики; может быть, она недостаточно верит в пользу мягкого обращения с детьми и считает лучшею мерою исправления телесное наказание (анафора сопровождается синтаксическим параллелизмом, что заставляет слушателей обратить внимание на эту фразу); *он был груб, смело выражая свое мнение; он резко высказывал порицание* (анафора + эпитет, в том числе контаминированный: «резко высказывал» — эпитет + метафора) и др.;

– **антитеза** (15 случаев), противопоставляющая поведение участников процесса и выявляющая сущность их характеров: *Он лишился жизни не окруженный попечениями и участием родных, не благословляя своих детей, а сопровождаясь их отчаянными криками и падая от руки близкого и обязанного ему человека* (антитеза усиливает эпитет); *женщина, совершенно растерзанная и убитая горем... женщина, которая довольно безучастно относится к происшедшему* и др.;

– **полисиндетон** (14 случаев), подчеркивающий отдельные фрагменты речи: *или молчаливое согласие на опозоренье памяти... мужа, ...или же горестное и тяжкое служение правде, которое... должно подвести брата под справедливую кару* (прагматика многосоюзия усилена синтаксическим параллелизмом, эпитетами и антитезой) и др.;

– **риторическое восклицание** (11 случаев), помогающее оратору выразить свои эмоции и отношение к описываемому: *Я говорю: человек обыкновенный, человек нормальный!* (уверенность в том, что подсудимый не болен); *И где же? — в доме ее, Рыжовой! — и кем же? — ее братом!* (риторическое восклицание, сопровождаясь вопросно-ответным ходом, инверсией, эллипсисом, синтаксическим параллелизмом, анафорой и лексическим повтором, выражает возмущение);

– **амплификация** (9 случаев), описывающая все существенные характеристики личности и вызывающая у аудитории эмоции, на которые рассчитывает оратор: *знаем ли мы ту борьбу, те колебания, те муки, которые должна была пережить злополучная женщина* (прагматический уровень амплификации повышается за счет ее контаминации с лексическим повтором и эпитетом); *мы находим в Рыжове человека глубоко честного и справедливого, строгого как к себе, так и к другим... любящего правду, вмешивающегося за нее в чужие дела, иногда с самопожертвованием, доходящим даже до неблагоразумия; Шляхтин, после убийства Рыжова, имел вид потерянный, говорил несообразные вещи, едва стоял на ногах, был бледен, весь трясся, хотел ехать к генералу Трепову, приходил в отчаяние от сделанного им поступка, путался в словах и вообще производил впечатление больно-го* и др.;

– **риторический вопрос** (8 случаев), показывающий эмоции говорящего: *Знаем ли мы это?* (эмоция — негодование); *Но какое отношение это имеет к правдивости ее показания?* (эмоция — непонимание) и др.;

– **риторическое обращение** (6 случаев), помогающее оратору передать эмоции и установить контакт с присутствующими: *Я полагаю, что в настоящем случае*

вы, **господа присяжные заседатели**, найдете, что именно существовало такого рода преступление; говорить вам, **господа присяжные заседатели**, о том, что ваш приговор имеет только значение основания для наказания подсудимого за совершенный им поступок, казалось бы излишне (в обоих случаях — выражение надежды на справедливый приговор); Дети, в жизни много зла... (выражение сострадания, сочувствия);

– **эллипсис** (6 случаев), заставляющий обратить внимание на отсутствующий член предложения и помогающий избежать неоправданного лексического повтора: а при втором — сама присутствовала (отсутствие дополнения «выстрел»); Но она в дурных отношениях с Шляхтиньим (пропуск сказуемого) и др.;

– **климакс** (5 случаев), укрупняющий описываемое: знаем ли мы ту **борьбу**, те **колебания**, те **муки** (климакс усиливается лексическим повтором); **нисколько не умалчивая**, **нисколько не щадя** самолюбия своей сестры, **нисколько не оберегая** ее (климакс сопровождается лексическим повтором и синтаксическим параллелизмом);

– **асиндетон** (2 случая), придающий высказыванию стремительность, уверенность: Я полагаю — нет (пропуск союза «что»); Картины были заманчивы — Рыжов умел говорить горячо и убедительно (пропуск союза «потому что / так как»);

– **усеченное высказывание** (1 случай), завершающее речь и призывающее слушателей к размышлению: Но я надеюсь, что окружающие будут иметь возможность сказать им: «Дети, в жизни много зла, но бывает и справедливость, и человек, который причинил вам столько несчастий, уже искупил свою вину...» (усеченное высказывание сопровождается цитированием, риторическим обращением, антитезой, эллипсисом).

Среди иных **приемов выразительности** можно отметить следующие:

– **вопросно-ответный ход** (11 случаев) создает у аудитории впечатление того, что она разбирается в сути произошедшего вместе с оратором: Какое значение может иметь то, что она несколько грубо обращалась с сыном Шляхтина, для того чтобы определить, видела ли она и слышала ли то, что она показала? Конечно, никакого и др.;

– **тавтология** (8 случаев), стилистическая функция которой — подчеркнуть важную информацию: характеру более **сильному**, **силам** менее потрясенным, он резко высказывал порицание... ему больше приходилось говорить о **резкости** в людях и др.;

– **цитирование** (6 случаев), отсылающее к словам участников процесса: и как она это **«по простоте своей»** поняла; сказал Рыжову **«буду стрелять»**, но остановился, потому что **выстрелить «было бы ужасно»** и др.

Говоря о стилистических особенностях речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова», следует отметить смешение лексики разных стилей, что допускается и даже приветствуется в публичном судебном выступлении, так как именно эта неоднородность делает речь эмоциональной, неповторимой, воздействующей.

Книжная и высокая лексика: вероятие; рассказы послужили канвой... показания; желание мщения; порицание; алчущий и жаждущий правды; падший; не излил всего гнева; клеймо нравственного осуждения и др.

Разговорная и просторечная лексика: показания стараются подорвать; нянчила ребенка; начиная с тонких «шпилек» (уколов); он за нею волочится; ставила на дыбы его гордость.

Использование **фразеологизмов** (29 случаев) делает речь выразительной, «живой», красочной, эмоциональной: войдя в положение этой женщины; выходящее из ряда вон; во имя чести отца своих детей; слово в слово повторила; работала даром и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обвинительная речь А. Ф. Кони «По делу об убийстве статского советника Рыжова» отвечает всем требованиям как литературного языка в целом, так и языка права в частности. Кроме того, она имеет высокий уровень прагматики за счет того, что оратор умело использует всю систему изобразительно-выразительных средств.

Нами были выделены **сходства и различия** в языковом оформлении анализируемых речей.

Сходства:

1) обе речи написаны с соблюдением требований как языка права в частности, так и литературного языка в целом. Оратор излагает обстоятельства дел лаконично, точно, убедительно, эмоционально;

2) диалогичность в анализируемых речах достигается с помощью вопросно-ответного хода и риторического обращения;

3) специфика языка права проявляется в анализируемых речах через широкое использование юридической терминологии; отглагольные существительные; наличие многозначных слов, применяемых для обозначения особых юридических понятий; использование готовых юридических клише; распространенность существительных, называющих людей по их социальным интересам или действиям; распространенность глаголов со значением приказа, предписания, долженствования; частотность страдательного залога; распространенность вводных слов и конструкций в начале предложения; частотное употребление причастных и деепричастных оборотов;

4) А. Ф. Кони соблюдает требования всех коммуникативных норм литературного языка: его речь правильна, богата (наблюдается разнообразие не только использованной лексики, но и синтаксических конструкций), ясна и точна (полностью исключена неустранимая многозначность, которая может привести к множественности интерпретаций), логична, уместна, чиста и выразительна;

5) частотное смешение лексики, принадлежащей к разным функциональным стилям. Оратор, стремясь воздействовать на чувства присяжных и сделать речь общедоступной, включает в свое публичное выступление наравне с книжной лексикой разговорную, даже просторечную;

6) в обеих речах А. Ф. Кони активно использует всю систему изобразительно-выразительных средств. Количество элокутивов, встретившихся нам в текстах речей, отражено в таблице.

Сравнительная характеристика элокутивной специфики речей А. Ф. Кони

Типы элокутивов	Речь «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» (количество встретившихся нам случаев в тексте)	Речь «По делу об убийстве статского советника Рыжова» (количество встретившихся нам случаев в тексте)
Тропы		
Эпитет	291	346
Метафора	48	32
Олицетворение	45	15
Гипербола	14	9
Сравнение	11	5
Перифраз	10	10
Метонимия	9	11
Литота	2	–
Антифразис	1	–
Фигуры		
Лексический повтор	112	116
Антитеза	40	15
Инверсия	39	61
Полисиндетон	24	14
Синтаксический параллелизм	20	19
Эллипсис	18	6
Анафора	8	16
Риторическое восклицание	7	11
Риторический вопрос	7	8
Усеченные высказывания	6	1
Амплификация	6	9
Риторическое обращение	4	6
Зевга	3	–
Климакс	3	5
Асиндетон	3	2
Иные приемы выразительности		
Фразеологизм	31	29
Вопросно-ответный ход	22	11
Тавтология	18	8
Цитирование	15	6
Плеоназм	5	–

Эпитет — троп, к которому А. Ф. Кони обращается чаще всего. Кроме того, одинаково или близко по частотности использования количество метафор, гипербол, перифраза и метонимии, что связано с функциональной нагруженностью — сделать акцент на создании образа участников процесса.

В обеих речах текстовая фигура — лексический повтор. Кроме того, примерно равное количество наличия в текстах имеют инверсия, синтаксический параллелизм, полисинде-

тон, риторическое восклицание, риторический вопрос, риторическое обращение, амплификация, климакс, асиндетон.

Следует отметить, что в обеих речах наблюдается обилие фразеологизмов, которые помогают сделать текст «живым», воздействующим и запоминающимся.

Нами были выявлены некоторые *различия* в использовании системы элокутивов: в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» олицетворений и сравнений в два раза больше, чем в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова», кроме того, во второй речи вовсе отсутствуют литота и антифразис. Здесь следует, однако, отметить единичный случай использования антифразиса и в первой речи, так как, на наш взгляд, оратор не считает уместным иронизировать, разбирая в суде дело об убийстве.

Кроме того, более частотное употребление антитезы в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем», чем в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» можно объяснить желанием А. Ф. Кони сделать акцент на несхожести личностей жены и любовницы Емельянова, через их противопоставление доказать, что данный факт — одна из причин преступления.

Более частое использование эллипсиса в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем», чем в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» можно объяснить попыткой избежать лексического повтора; это подтверждает другая цифра: количество лексического повтора во втором тексте превышает его количество в первом.

Заметно различие в использовании усеченных высказываний: в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» А. Ф. Кони чаще предоставляет слушателям возможность задуматься над сказанным и поразмышлять. Кроме того, в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» отсутствует зевга (при этом следует отметить и ее небольшое количество в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем»). Это связано с попыткой воздействовать на публику через однородный ряд, включающий в себя неоднородные элементы.

Тавтология как прием выразительности более частотен в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем». Плеоназм вовсе отсутствует в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова».

Использование цитирования в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» более, чем в два раза превышает употребление этого приема в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова». Это обусловлено, по нашему мнению, тем, что перед оратором стояла необходимость подтвердить или опровергнуть противоречивые показания свидетелей, следовательно, он вынужден был озвучить их слова.

Заключение (Conclusion)

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что речь «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» более насыщена различными элокутивами (и по частотности употребления, и по семантико-функциональному разнообразию). Возможно, причина этого в целевой

установке А. Ф. Кони: в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» оратор обвиняет Емельянова в убийстве и утверждает, что это преступление было обдуманно и спланировано, подсудимый не заслуживает снисхождения. Напротив, обвиняя в убийстве Шляхтина, в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» А. Ф. Кони подчеркивает тот факт, что убийство было совершено хотя и осознанно, но непреднамеренно, так как обви-

няемый находился в состоянии аффекта, следовательно, заслуживает снисхождения.

Таким образом, А. Ф. Кони соблюдает в обеих речах требования как литературного языка в целом, так и языка права в частности, демонстрируя при этом мастерское владение системой изобразительно-выразительных средств и умением целесообразно ее использовать для повышения речевой прагматики и удержания внимания слушающих.

Библиографический список

1. Колесников С. А. Формы взаимодействия судебной риторики и правоохранительной практики (на материале отечественных обвинительно-защитных речей XIX века) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 12–15.
2. Артёмова Т. В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А. Ф. Кони : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 24 с.
3. Баишева З. В. Логический аспект обвинительной речи (на материале обвинительных речей А. Ф. Кони) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 11 (61). С. 102–106.
4. Баишева З. В. Слово в речи юриста (на материале судебных выступлений А. Ф. Кони) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2004. № 9 (34). С. 10–14.
5. Баишева З. В. Языковая личность судебного оратора А. Ф. Кони : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007. 47 с.
6. Баишева З. В. Корректность судебного оратора (на материале обвинительных речей А. Ф. Кони) // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 13–20.
7. Баишева З. В. Проповедничество как особенность ораторского стиля А. Ф. Кони // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2004. № 10 (35). С. 29–33.
8. Демидов О. В. Русское судебное красноречие в контексте современности: лингвистический подход (анализ обвинительных речей А. Ф. Кони) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филологические науки. 1999. Т. 2, № 2. С. 225–230.
9. Катышев П. А., Князькова Т. В. Эволюция нарративной структуры в речах А. Ф. Кони // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации : межвуз. сб. науч. ст. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 96–107.
10. Князькова Т. В. Роль нарративной системы в осуществлении авторского замысла (на примере обвинительной речи А. Ф. Кони «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона») // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 130–147.
11. Колесников С. А. Идеал судебной риторики: синтез личного и профессионального совершенствования // Вестн. Белгор. юрид. ин-та Министерства внутр. дел России им. И. Д. Путилина. 2016. № 1 (27). С. 26–28.
12. Колесников С. А. Культура судебного красноречия в речах А. Ф. Кони как фактор формирования правового сознания общества // Вестн. Белгор. юрид. ин-та Министерства внутр. дел России им. И. Д. Путилина. 2015. № 2 (26). С. 42–45.
13. Колесников С. А. Многогранный потенциал языковой личности А. Ф. Кони как условие профессионального становления судебного оратора // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 22–27.
14. Плотникова Г. Н. Государственные деятели России второй половины XIX — начала XX века глазами А. Ф. Кони // Вестн. Перм. ун-та. Сер. : История. 2001. Вып. 1. С. 112–117.
15. Тимофеева Л. И. Судебные речи А. Ф. Кони: лингвостилистический аспект // Вестн. Мар. гос. ун-та. 2015. № 1 (16). С. 94–98.
16. Кони А. Ф. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. М. Г. Миронова, Л. Г. Миронова. М. : Советская Россия, 1989. 496 с.
17. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы. М. : Юрайт, 2019. 152 с.
18. Кудряшова В. В., Петров М. А. Мастер судебного красноречия А. Ф. Кони // Зап. горн. ин-та. 2006. Т. 167, ч. 1. С. 277–279.
19. Кони А. Ф. Собр. соч. : в 8 т. Т. 3 : Судебные речи. М. : Юридическая литература, 1967. 535 с.

References

- Artemova T. V. (2008) *Narrativ kak komponent ritoricheskoi strategii obvinitel'nykh rechei A. F. Koni* [Narrative As a Component of the Rhetorical Strategy of Accusatory Speeches by A. F. Koni]*, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Kemerovo, 24 p. (in Russian)
- Baisheva Z. V. (2004) *Propovednichestvo kak osobennost' oratorskogo stilya A. F. Koni* [Preaching As Peculiarity of A. F. Koni's Oratorical Style], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], no.10 (35), pp. 29–33. (in Russian)
- Baisheva Z. V. (2004) *Slovo v rechi yurista (na materiale sudebnykh vystuplenii A. F. Koni)* [A Word in a Lawyer's Speech (Based on the Material of A. F. Koni's Court Speeches)], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], no. 9 (34), pp. 10–14. (in Russian)
- Baisheva Z. V. (2006) *Logicheskii aspekt obvinitel'noi rechi (na materiale obvinitel'nykh rechei A. F. Koni)* [The Logical Aspect of the Accusatory Speech (Based on the Accusatory Speeches of A. F. Koni)]*, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], no. 11 (61), pp. 102–106. (in Russian)

Baisheva Z. V. (2007) *Yazykovaya lichnost' sudebnogo oratora A. F. Koni [Linguistic Personality of the Court Orator A. F. Koni]**, Dr. philol. sci. diss. Abstr. Ufa, 47 p. (in Russian)

Baisheva Z. V. (2010) *Korrektnost' sudebnogo oratora (na materiale obvinitel'nykh rechei A. F. Koni) [Correctness of a Court Speaker (Based on the Accusatory Speeches of A. F. Koni)]**, *Yurilingvistika-10: Lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya [Legal Linguistics-10: Linguoconflictology and Jurisprudence]*. Kemerovo, Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta Publ., pp. 13–20. (in Russian)

Demidov O. V. (1999) *Russkoe sudebnoe krasnorechie v kontekste sovremennosti: lingvisticheskiy podkhod (analiz obvinitel'nykh rechei A. F. Koni) [Russian Judicial Eloquence in the Context of Modernity: A Linguistic Approach (Analysis of Accusatory Speeches by A. F. Koni)]**, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologicheskie nauki [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences]*, vol. 2, no. 2, pp. 225–230. (in Russian)

Katyshev P. A., Knyaz'kova P. A. (2006) *Ehvolutsiya narrativnoi struktury v rechakh A. F. Koni [The Evolution of the Narrative Structure in the Speeches of A. F. Koni]**, *Yurilingvistika-7: Yazyk kak fenomen pravovoi kommunikatsii [Jurislinguistics-7: Language As a Phenomenon of Legal Communication]**. Barnaul, Altaiskii universitet Publ., pp. 96–107. (in Russian)

Knyaz'kova T. V. (2007) *Rol' narrativnoi sistemy v osushchestvlenii avtorskogo zamysla (na primere obvinitel'noi rechi A. F. Koni "Po delu ob ubiistve ieromonakha Illariona") [The Role of the Narrative System in the Implementation of the Author's Intention (On the Example of A. F. Koni's Accusatory Speech "In the Case of the Murder of Hieromonk Hilarion")]**, *Yurilingvistika-8: Russkii yazyk i sovremennoe rossiiskoe pravo [Jurislinguistics-8: Russian Language and Modern Russian Law]**. Kemerovo, Barnaul, Altaiskii universitet Publ., pp. 130–147. (in Russian)

Kolesnikov S. A. (2015) *Formy vzaimodeistviya sudebnoi ritoriki i pravookhranitel'noi praktiki (na materiale otechestvennykh obvinitel'no-zashchitnykh rechei XIX veka) [Forms of Interaction of Judicial Rhetoric and the Practice of Law Enforcement (Based on the Domestic Prosecution-Protective Speeches of the Nineteenth Century)]*, *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Problems of Law-Enforcement Activity]*, no. 4, pp. 12–15. (in Russian)

Kolesnikov S. A. (2015) *Kul'tura sudebnogo krasnorechiya v rechakh A. F. Koni kak faktor formirovaniya pravovogo soznaniya obshchestva [The Culture of Judicial Eloquence in the Speeches A. F. Koni As a Factor of Formation of Legal Consciousness of the Society]*, *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii imeni I. D. Putilina [Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named After I. D. Putilin]**, no. 2 (26), pp. 42–45. (in Russian)

Kolesnikov S. A. (2016) *Ideal sudebnoi ritoriki: sintez lichnogo i professional'nogo sovershenstvovaniya [The Ideal of Judicial Rhetoric: A Synthesis of the Personal and Professional Development]*, *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii imeni I. D. Putilina [Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named After I. D. Putilin]**, no. 1 (27), pp. 26–28. (in Russian)

Kolesnikov S. A. (2018) *Mnogogranniy potentsial yazykovoi lichnosti A. F. Koni kak uslovie professional'nogo stanovleniya sudebnogo oratora [The Multifaceted Potential of the Linguistic Identity of A. F. Koni As a Condition of Professional Formation of the Judicial Orator]*, *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Problems of Law-Enforcement Activity]*, no. 4, pp. 22–27. (in Russian)

Koni A. F. (1967) *Collected Works. Vol. 3. Sudebnye rechi [Judicial Speeches]**. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 535 p. (in Russian)

Koni A. F. (1989) *Izbrannoe [Favorites]**. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 496 p. (in Russian)

Koni A. F. (2019) *Nravstvennye nachala v ugolovnom protsesse [Moral Principles in the Criminal Process]*. Selected Works*. Moscow, Yurait Publ., 152 p. (in Russian)

Kudryashova V. V., Petrov M. A. (2006) *Master sudebnogo krasnorechiya A. F. Koni [Master of Judicial Eloquence A. F. Koni]**, *Zapiski gornogo instituta [Notes of the Mining Institute]**, vol. 167, part 1, pp. 277–279. (in Russian)

Plotnikova G. N. (2001) *Gosudarstvennye deyateli Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka glazami A. F. Koni [Statesmen of Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries Through the Eyes of A. F. Koni]**, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of the Perm University. Series: History]*, pp. 112–117. (in Russian)

Timofeeva L. I. (2015) *Sudebnye rechi A. F. Koni: lingvostilisticheskiy aspekt [Judicial Speech A. F. Koni: Linguistic Aspect]*, *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of the Mari State University]*, no. 1 (16), pp. 94–98. (in Russian)

*Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.